

Ся Мин вошёл в тёмный проход и лишь почувствовал, как перед глазами потемнело, а затем его духовное тело ощутило, что пространство вокруг исказилось, и всякое ощущение Чжоу Вэя тут же исчезло...

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Ся Мин пришёл в сознание.

Открыв глаза, он увидел перед собой красивое, зрелое лицо: мягкие, чёрные как смоль волосы ниспадали до плеч, обрамляя чрезвычайно изысканное личико.

На лице были большие, живые чёрные глаза, ниже – прямой, маленький носик и алый, как вишенка, маленький ротик.

В этот момент прекрасное лицо было покрыто потом, в глазах плескалась влага, сквозило неподдельное беспокойство и забота.

Увидев, что Ся Мин открыл глаза, красивая молодая женщина наполнилась радостью, которая тут же отразилась на усталом, покрытом потом лице. Она слегка приоткрыла рот, и в уши Ся Мина влился приятный голос:

— Обито, ты наконец-то открыл глаза, ты чуть не напугал маму до смерти!

Хотя голос этой зрелой красавицы был для Ся Мина чрезвычайно приятен, её слова словно громом поразили его!

«Я переродился в мире „Наруто“ и стал одним из двух Боссов этого мира: Учихой Обито!» – это первое, что пришло в голову Ся Мину после того, как он услышал слова зрелой красавицы.

Не успел Ся Мин опомниться, как приятный, словно иволга, голос зрелой красавицы снова зазвенел у него в ушах:

— Если бы ты ещё не открыл глаза, мамочка уже и не знала бы, что делать. Ты же у нас такой непоседа.

Как только стих голос зрелой красавицы, рядом с Ся Мином раздался женский голос:

— Госпожа, давайте я возьму молодого господина. Молодой господин с самого рождения ещё не плакал.

Затем Ся Мин почувствовал, что его тело подняли, взяли за ножки, и тут же в мозг по нервным рефлексам передалась боль от шлепка по ягодицам. Ся Мин невольно хотел выругаться.

Но слова, сорвавшись с губ, превратились в младенческое «агу». Это заставило Ся Мина тут же замолчать.

Тут только Ся Мин заметил, что превратился в младенца.

«Похоже, моё перерождение не так уж и хорошо. Я переродился в аниме-мире „Наруто“, да ещё и стал только что родившимся младенцем Обито. Вот досада», – подумал про себя Ся Мин.

Впрочем, сама возможность переродиться была для Ся Мина огромной удачей. Даже если он не остался на прежней Земле, он лишь немного поворчал, но не испытывал особого недовольства.

— Отлично, молодой господин наконец-то заплакал, и голос звонкий, значит, он точно здоров,

— сказала женщина, в то время как Ся Мин размышлял.

— Ой, правда? Малыш здоров? Замечательно, — в голосе зрелой красавицы, о, нет, уже Учихи Мисаки, явно слышалось облегчение.

— Наконец-то ребёнок появился? Ну-ка, дай посмотреть, — в комнате появился мужчина средних лет, и торопливый голос явно принадлежал ему.

— Почему ты только сейчас пришёл? Когда родился Обито, тебя не было рядом, — с лёгким недовольством произнесла Учиха Мисаки.

— В клане было срочное собрание, как только оно закончилось, я сразу пришёл. Давай, дай взглянуть на нашего Обито, — в голосе мужчины слышались нотки извинения. Хотя дела клана были важны, но когда рождается собственный ребёнок, отцу подобает быть рядом – это он прекрасно понимал.

Ся Мин почувствовал, как его передали в другие объятия, и перед глазами снова появилось незнакомое лицо мужчины средних лет.

«Это же отец Обито из оригинала, Учиха Ядзуру? А та зрелая красавица, должно быть, мать Обито, Учиха Мисаки», – догадался Ся Мин про себя, увидев Учиху Ядзуру.

— Сынок, отныне ты станешь членом клана Учиха. Ты должен гордиться тем, что ты Учиха! — Учиха Ядзуру, держа на руках Обито (впредь называть главного героя Ся Мина не будем, будем называть Обито), с улыбкой проговорил ему.

Но в его словах слышалась гордость от принадлежности к клану Учиха.

«Этого Учиху Ядзуру не исправить, только и думает, что о служении клану. Неудивительно, что в оригинале родители Обито рано умерли, и ему пришлось жить с бабушкой», – услышав слова Учихи Ядзуру, Обито почувствовал горечь. Неужели и в будущем ему не избежать участи потерять родителей?

Учиха Мисаки, лежавшая в кровати, тоже нахмурилась, услышав слова Учихи Ядзуру, явно уловив их подтекст.

Но Учиха Мисаки ничего не могла с этим поделать. Её муж, будущий дзёнином, был беззаветно предан клану Учиха и часто ради выполнения заданий ставил себя под угрозу – это она знала лучше всех.

— Что ты говоришь? Ребёнок только родился, а ты уже таким тоном с ним разговариваешь. Отдай Обито мне, — хотя Учиха Мисаки не могла изменить мужа, как мать, полная любви, она не удержалась и сказала ему.

Слова жены достигли ушей Учихи Ядзуру. Он хотел было что-то сказать, но в дверях комнаты внезапно появился анбу и обратился к нему:

— Учиха Ядзуру, вас приглашает глава клана, есть важное задание для вас.

Учиха Ядзуру проглотил готовые сорваться с губ слова, поднёс Обито к Учихе Мисаки.

Повернувшись, он подошёл к анбу и сказал:

— Хорошо, я сейчас же выдвигаюсь.

Анбу, услышав, ответил «есть» и исчез из комнаты, чтобы доложить так называемому главе.

Как только анбу исчез, фигура Учихи Ядзуру мелькнула, и он тоже исчез из комнаты. Перед уходом он оставил только одну фразу:

— У главы клана для меня важное задание, я схожу посмотрю и вернусь.

К такому положению дел Учиха Мисаки давно привыкла.

К тому же Учиха Мисаки была чрезвычайно добродетельной женщиной, никогда не вмешивалась в дела своего мужчины, позволяя ему самому заниматься своим делом, а сама оставалась за его спиной хорошей женой и матерью для сына.

Поэтому Учиха Мисаки лишь мельком взглянула на удаляющуюся фигуру мужа, после чего целиком переключила своё внимание на только что родившегося сына.

Видя это, Обито открыл рот, желая что-то сказать.

Но забыл, что ещё не может говорить, и лишь когда издал звук, похожий на младенческий плач, вспомнил, что говорить ему пока не дано.

А Учиха Мисаки, услышав звуки Обито, подумала, что он плачет от голода.

Тут же она взяла Обито на руки и, под удивлённым взглядом сына, села и приподняла верхнюю часть своей одежды, обнажив пару круглых, упругих грудей, и ласково проговорила:

— Обито, не плачь. Ты проголодался, да? Сейчас мама тебя покормит.

Мисаки наклонилась, её голос стал ещё нежнее.

Она улыбнулась и начала расстёгивать пуговицы своей одежды.

По мере того как одежда медленно распахивалась, её пара круглых, упругих грудей обнажилась в воздухе.

Обито вытаращил глаза – впервые на его памяти он видел женскую грудь.

— Давай, мама покормит тебя молочком, — Мисаки поднесла грудь ко рту Обито.

Обито на мгновение опешил, а затем, не колеблясь, взял сосок в рот.

Поток тёплой жидкости тут же потек ему в рот, сладкой и вкусной.

Он жадно засосал, одновременно схватив другой рукой другую грудь и начав её мять.

Мисаки тихо застонала – и от сосания сына, и от того, что её тело, слишком долго не знавшее прикосновений мужа, отреагировало на этот процесс.

Она сдерживала внутреннее волнение, всё так же нежно глядя на Обито.

Постепенно движения Обито становились всё более умелыми, словно он от природы знал, как доставить женщине удовольствие.

То он сильно сосал, то слегка покусывал сосок, то водил языком вокруг ареолы.

Дыхание Мисаки становилось всё более частым, она крепко прижимала к себе сына, не отпуская.

— Какой непослушный ребёнок, такой маленький, а уже умеешь играть с мамой, — полушутя-полусмущаясь проговорила Мисаки, но не остановила Обито.

Она знала, что это всего лишь врождённый инстинкт ребёнка.

Так Обито жадно наслаждался материнским молоком и одновременно – острыми ощущениями первого вкушения запретного плода.

А Мисаки погрузилась в давно забытое наслаждение, ведь её тело уже давно никто так не трогал.

Муж Ядзуру вечно был занят заданиями, у него совсем не было времени думать о её чувствах.

А Ядзуру, будучи дзёнином деревни, обладал огромной силой, что не позволяло Мисаки жаловаться ему на своё одиночество и желания.

Теперь же она могла лишь ненадолго утолять телесную жажду, кормя ребёнка.

Каждое сосание Обито заставляло её тело трепетать, каждое сжатие заставляло её непроизвольно выгибать поясницу.

Она закрыла глаза, пытаясь представить, что это муж ласкает её.

Внезапно Мисаки почувствовала сильное всасывание из соска. Она резко открыла глаза и увидела, что Обито, сжав сосок губами, сосёт изо всех сил, словно пытаясь высосать всё молоко до капли.

В то же время её вторая грудь была крепко зажата в руке Обито, он не переставал её мять, меняя форму.

— Ах... ой... Обито... малыш... ты... что ты делаешь... — в стоне Мисаки слышалась лёгкая паника, потому что она чувствовала, как волны сладкого наслаждения распространяются от низа живота по всему телу.

Обито не прекращал своих действий, напротив, он их усилил.

Он сильно всасывал молоко, одновременно дразня сосок кончиком языка.

Движения другой руки также сменились с простого сжатия на гибкое возбуждение: пальцы то и дело описывали круги на ареоле.

Мисаки чувствовала, что её разум быстро угасает, уступая место нарастающей, волна за волной, волне наслаждения.

Она крепко обнимала Обито, оставляя неглубокие следы ногтей на его спине.

Её ноги начали бессознательно тереться друг о друга, пытаясь унять зуд внизу живота.

— Обито... Обито... не надо... ты не должен... мы же мать и сын... — с трудом проговорила Мисаки, но она знала, что уже не в силах остановить эту запретную игру.

<http://erolate.org/book/1290/164988>